

По родной землѣ.

(Преданія и легенды глухихъ уѣздовъ).

I.

Между двухъ волнъ.

Часто глухіе медвѣжіе углы нашей родины служатъ въ литературѣ мѣриломъ некультурности: „Это можетъ быть лишь въ какомъ-нибудь Царевококшайскѣ“—вотъ избитая фраза, которую приходится слышать изъ устъ нашихъ столичныхъ писателей. Но если внимательно къ этимъ глухимъ медвѣжьимъ угламъ присмотрѣться, то мы увидимъ, что подъ пылью некультурности скрываются порой имѣющія большой научный интересъ преданія и легенды.

Г. Ядринъ Казанской губ.—это одинъ изъ тѣхъ русскихъ городковъ, которые рѣдко намѣчаются на географическихъ картахъ. Около города Ядрина сходятся чуть-ли не въ одну точку границы трехъ губерній: Казанской, Симбирской и Нижегородской, а самъ городъ является, какъ-бы, водораздѣломъ между двухъ еще не отжившихъ свой вѣкъ теченій—сектантствующей и языческой Руси.

...Вѣковой отецъ раскола Керженецъ перебросилъ черезъ Волгу свои ветхозавѣтные щупальцы и Васильскій уѣздъ Нижегородской губ., соприкасающійся съ Ядринскимъ, сплошь кишитъ сектантами всевозможныхъ толковъ. Въ Бѣлавкѣ, Шпырихѣ, Майданѣ, Воротынцѣ можно найти представителей 25 вѣръ, начиная съ австрійцевъ и кончая жуткимъ толкомъ душителей, пускающихъ „Красную смерть“ и тайно хоронящихъ

своихъ усопшихъ среди глухой ночи въ молчаливыхъ рѣдко выдающихъ тайну лѣсахъ.

Характерный штрихъ русской жизни—въ Бѣлавкѣ, лежащей въ десяти верстахъ отъ г. Ядрина, православный храмъ сплошь окруженъ раскольниками безпоповскаго толка.

По другую сторону отъ Ядрина въ вѣковыхъ лѣсахъ стоятъ еще не срубленными кряжистые дубы—языческаго бога „Керемети“. Недалеко чуть-ли не подъ самымъ Ядриномъ, лѣтомъ среди желтѣющей ржи черной плѣшиной видѣется не запаханное пространство. Чувашинь лучше заѣдетъ на чужую полосу, нежели тронетъ то мѣсто, гдѣ когда-то по преданію стоялъ дубъ Керемети...

Къ сожалѣнію, приходится сознаться, что наши учебники географіи рѣзко расходятся съ жизненной географіей. Географія учитъ, что чуваша озарены свѣтомъ христіанства, а жизнь доказываетъ противоположное.

— Гаврила, спрашиваю я чувашина, исполняющаго у меня черновую домашнюю работу, — знаешь ли ты что-нибудь о Богѣ?

Гаврила съ полнымъ сознаниемъ собственного достоинства отвѣчаетъ:

— Снаемъ, какъ не спать-то! А какого тебѣ Бога надо, Михайлычъ?!

— Какъ какого?!—удивляюсь я, но Гаврила ничего не смущаясь продолжаетъ:

— Богъ, Михайлычъ, бываетъ разный: есть Богъ Микола. Богъ Христось... Много есть Бога...

Живя среди чувашъ, я хорошо знакомъ съ міровоззрѣніемъ рядового чувашина... Еще навѣрно у многихъ свѣжа въ памяти корреспонденція изъ одного, тоже лежащаго среди чувашъ, городка Казанской губ., въ которой описывалось, какъ чуваша поклонялись старой рѣзной иконѣ, храпящейся на колокольнѣ, и чуть-ли не требовали въ голодные годы, чтобы этой иконой обносились поля, а въ селѣ Ишаки Казанской губ. рядомъ съ глубоко чтимой чувашами церковью Торы (бога) Микола, находится не менѣе чтимый колодецъ кучера Торы Микола...

А вотъ бытовая картинка изъ жизни чувашъ.

Въ храмъ приходитъ сельскій староста чувашинъ съ женой. Покупаетъ свѣчку и, подойдя къ иконѣ Торы Микола, говоритъ:

— Тора Микола сана (тебѣ) свѣчка. Я сельскій староста, а это моя баба! Гляди, какъ мы тебѣ крестимся...

Приведенные примѣры живые свидѣтели настоящей жизни,

а попадающіяся тутъ и тамъ по Ядринскому уѣзду деревянныя, каменныя часовенки безмолвные свидѣтели того социальнаго потрясенія русской жизни,—которое извѣстно въ исторіи подъ именемъ „пугачевщины“...

Питая глубокую любовь къ родной старинѣ, я старался узнать отъ старожиловъ г. Ядрина его исторію, но къ несчастію всѣ мои старанія давали слабыя результаты. Въ имѣющихся въ г. Ядринѣ женской гимназіи и въ реальномъ училищѣ и даже въ Городской управѣ я не могъ найти ни малѣйшаго слѣда, проливающего свѣтъ на историческое прошлое г. Ядрина...

— Если интересуетесь, то почитайте очерки родиноуѣднѣнія Казанской губ.,—г-на Спаскаго, совѣтовали мнѣ педагоги. Прочелъ и не удовлетворился слабой попыткой изъ кабинета описать живую жизнь. Хотѣлось во что-бы-то ни стало отыскать живой человѣческой документъ, могущій приподнять завѣсу съ далекаго прошлаго...

Помогла случайность... Разговорился какъ-то съ соборнымъ сторожемъ, словоохотливымъ старичкомъ, и онъ рассказалъ мнѣ, что у нихъ въ соборѣ хранится документъ о томъ, какъ шелъ на г. Ядринъ Пугачевъ...

— Неужели никто изъ педагоговъ не поинтересовался этимъ документомъ, удивленно спросилъ я сторожа.

— Никто, милъ человѣкъ, не интересовался... Вотъ сколь годовъ служу, да и отецъ служилъ, а никому и дѣла не было до этого документа...

Документъ у меня въ рукахъ; это не что иное, какъ лѣтопись, заведенная съ 1867 года по приходской Троицкой церкви Казанской епархіи города Ядрина, который въ старину принадлежалъ епархіи Нижегородской...

Какой-то неизвѣстный священнослужитель началъ писать эту лѣтопись въ 1867 году и въ 1867 году поставилъ на лѣтописи окончательную точку.

Мнѣ, пишетъ лѣтописецъ, о самомъ нападеніи на городъ Ядринъ Пугачева рассказывалъ 70-ти лѣтній старикъ, сынъ того отца, который сражался противъ Пугачевской шайки...

Передаю въ литературной обработкѣ этотъ рассказъ.

...Емельянъ Пугачевъ шелъ на Казань черезъ городъ Курмышъ Симбирской губерніи, который отъ города Ядрина находится въ 12 верстахъ по рѣкѣ Сурѣ... Мордва, жившая въ селѣ Шакино Нижегородской губ., находящемся отъ Ядрина въ 10 верстахъ, а отъ Курмыша въ 6-ти верстахъ, узнавъ, что

Пугачевъ, какъ царь приказываетъ вѣшать господъ и причты церковныя, обирающіе народъ, устремилась на городъ Ядринъ для этой цѣли. Въ авангардѣ была выслана мордовка съ возомъ петлей.

Ядринцы ее поймали и, привязавъ къ оглоблѣ у запряженной лошади, гоняли по городу, при чемъ били кнутомъ по лошади одинъ разъ, а по мордовкѣ пять разъ, и такимъ образомъ замучили мордовку до смерти. За мордовкой тронулась на городъ густой толпой мордва, вооруженная косами, дубинами и обожженными кольями...

Ядринцы, увидѣвши мордву, ударили въ набатъ по всемъ церквямъ. Вынесли иконы и вооружились ружьями, пушками, саблями и пиками...

Мордва была разбита наголову.

Въ память этого пораженія ядринцы по Шокинской дорогѣ поставили три часовни надъ убитыми изъ гражданъ (часовни стоятъ и сейчасъ).

Въ городъ Ядринъ Пугачевъ не заѣхалъ, а проѣхалъ 20-го іюля черезъ г. Курмышъ. Вблизи г. Курмыша, на другой сторонѣ рѣки Суры и понынѣ стоитъ село „Ильина гора“. Дѣдушка мой, повѣствовалъ старикъ лѣтописцу, въ это время былъ тутъ дьячкомъ.

На Ильиной горѣ 20-го іюля храмовой праздникъ, и причтъ, въ числѣ коего былъ и мой дѣдушка, служилъ передъ обѣдной молебны. Вдругъ ѣдетъ казакъ и кричитъ громкимъ голосомъ:

— Встрѣчайте, царь сейчасъ переѣдетъ черезъ Суру. Смотримъ, какъ говорилъ дѣдушка, и доподлинно ѣдетъ Пугачевъ верхомъ на свѣтложелтомъ конѣ. Одѣтъ Пугачевъ былъ въ халатѣ, и нагайка у него висѣла черезъ плечо. Около него верхами ѣхали два генерала съ бородами въ лентахъ. Одинъ Бѣлобородовъ, а другой Бѣлокопытовъ, какъ теперь помню ихъ по разсказу дѣдушки моего. Причтъ вышелъ навстрѣчу съ крестомъ и святою водой; Пугачевъ слѣзъ съ коня, приложился ко кресту, и священникъ окропилъ его святою водой. У села Пугачевъ остановился отдыхать и велѣлъ причту послѣ обѣдни явиться къ нему въ лагерь.

Причтъ явился, и Пугачевъ подалъ всемъ водки, и потомъ говорить:

— Ну, отецъ! Спасибо тебѣ, что ты почтилъ меня, какъ царя своего. Когда я возвращусь въ Москву на престолъ свой, то тебя и дьячка вызову къ себѣ, и сдѣлаю тебя первымъ протопопомъ, а дьячка твоего попомъ...

Причтъ палъ ему въ ноги за это...

Отсюда Пугачевъ тронулся большою дорогою къ Выльскому базару Ядринской округи и тамъ тоже остановился отдыхать. Чуваши свезли къ нему тутъ разныхъ членовъ причта, перевязанныхъ, и жаловались Пугачеву, что они ихъ крайне обижаютъ и разоряютъ.

Пугачевъ въ отвѣтъ махнулъ бѣлымъ платкомъ, и тутъ же всѣхъ поповъ передушили чуваши.

Недалеко отъ Выльскаго базара находится село Шумшевами, а отъ него въ верстахъ 6-ти село Шуматово; между этими двумя селами есть и теперь перелѣсокъ.

Въ этомъ перелѣскѣ стоялъ долго огромный дубъ; на этомъ дубу вѣшали чиновъ причта. Теперь нѣтъ и слѣда этого дуба, а на мѣстѣ его стоитъ столбикъ часовенный. Этотъ столбикъ поставленъ надъ тѣлами повѣшенныхъ и убиенныхъ чуваши.

Когда ихъ свезли къ этому дубу вѣшать, то они всѣ каялись во грѣхахъ своихъ вслухъ другъ другу и потомъ пропѣли:

„Со святыми упокой“...

Черезъ полгода, по приказу Императрицы Екатерины, всѣмъ попамъ, встрѣчавшимъ Пугачева съ иконами, были отрѣзаны уши. Ильинскій причтъ, благодаря невыдачи его крестьянами, избѣжалъ такой страшной казни.

Дѣдушка самъ видѣлъ казненныхъ поповъ урѣзываніемъ ушей.

Чуваши, потревоженные Пугачевымъ, долго не могли успокоиться; изъ-за Суры они приходили въ городъ Ядринъ и кричали:

— Царь Петръ Ѳеодоровичъ приказалъ давать намъ даромъ соли за то, что мы вѣшали поповъ, обижающихъ насъ.

Чувашъ ловили и сажали въ тюрьму, а потомъ нѣкоторыхъ вѣшали, а иныхъ засѣкали до смерти, посыпая солью раненія.

.....

За отраженіе Пугачева ядринскому купцу Засыпкину и купцу Упрямкину Императрица Екатерина пожаловала потомственное дворянство и по серебряному съ золотомъ ковшу. Одинъ ковшъ и сейчасъ хранится въ Троицкой церкви г. Ядрина и къ крайнему сожалѣнію другой совершенно исчезъ, какъ исчезли кафтаны и сабли, подаренные Екатериной, и дарственная грамота жителямъ г. Ядрина.

Ядринскіе мѣщане и сейчасъ вздыхаютъ по этой грамотѣ, говоря:

—Екатериной земля грамотой была 'дадена и кто-то стащилъ эту грамоту.

Лѣтописецъ пишетъ о этой грамотѣ слѣдующее:

Въ Троицкой церкви хранилась грамота, писанная на столбцѣ; но невѣдомо, какъ утратившаяся въ послѣдствіи...

Лѣтопись упоминаетъ и о преданіи насчетъ происхожденія г. Ядрина. Учебникъ краевѣдѣнія Казанск. губ., Спаскаго, передаетъ, что городъ Ядринъ получилъ свое названіе отъ литья въ немъ ядръ. Гербъ г. Ядрина изображаетъ ядра, но преданіе гласитъ слѣдующее:

Городъ Ядринъ получилъ названіе не отъ литья въ немъ ядръ пушечныхъ; ибо тутъ негдѣ было брать матеріалу для этого, да о литейномъ заводѣ не сохранилось никакого ни слѣда, ни преданія; а говорятъ, что въ старину жили на мѣстѣ семь черемисы, чуваша, а послѣ нихъ и татары. Изъ черемисъ жилъ богачъ витязь Чабакъ, а изъ чувашъ богачъ Ядрый, отъ Чабакъ близъ г. Ядрина гора получила названіе Чебаковой, а городъ самъ получилъ названіе отъ чувашина Ядрья. Когда русскіе вытѣснили инородцевъ за Суру, то Ядрый чувашанинъ поселился уже въ верстахъ 25-ти отъ города на большой дорогѣ въ г. Козмодемьянскъ, и это мѣсто слыветъ доннынѣ село Ядрино.

Городъ въ старину писался Ядрынъ (и сейчасъ есть печати, гдѣ написано Ядрынъ), Чабакъ поселился за Сурой, и на этомъ мѣстѣ теперь село Чебаково.

Съ какимъ сожалѣніемъ приходится думать о томъ, что въ глухихъ уѣздахъ время и русская халатность губитъ жестоко, безпощадно старину.

Стыраются преданія, и уже теперь на вопросъ о происхожденіи города и его участіи въ русской исторіи получили отвѣтъ:

—Произошелъ такъ, какъ происходятъ и другіе города...

Для характеристики считаю не лишнимъ отмѣтить, что ядринцы сплошь и рядомъ не знаютъ, почему одна часть города называется у нихъ Мартыновой горой, а озеро подъ ней Сергельскимъ.

Какое дѣло, что на Мартыновой горѣ былъ нѣкогда убитъ миссіонеръ Мартынъ, а въ озерѣ утопленъ миссіонеръ Сергій...

Народъ каждый годъ сопровождаетъ въ день пятидесятницы крестный ходъ изо всѣхъ церквей... И никто не желаетъ ему сказать, почему на нѣкоторыхъ мѣстахъ крестный ходъ дѣлаетъ осѣненіе... Осѣненіе дѣлается на мѣстахъ, гдѣ стояли башни древней деревянной крѣпости...

Старина глухого уѣзда требуетъ защиты.

Со слезами на глазахъ смотрѣлъ я въ г. Ядринѣ на рѣдкіе памятники рѣзныхъ иконъ, валяющихся гдѣ-то въ чуланчикѣ на колокольнѣ, когда ихъ мѣсто въ музеѣ), также мѣсто въ музеѣ должна занимать и картина итальянской живописи Распятіе, находящаяся въ Троицкой церкви въ г. Ядринѣ. Писана она въ 1546 году.

Знатокъ исторіи живописи пришелъ бы въ восхищеніе отъ дивно чуднаго рисунка и особенной анатомичности тѣла Христа...

Постепенно исчезнетъ и эта картина и можетъ быть въ печь попадутъ въ видѣ дровъ рѣзныя иконы.

Пропадутъ такъ, какъ пропала грамота Екатерины и ея дарственные кафтаны и сабли.

Отношеніе русской глухой провинціи къ старинѣ я увидѣлъ и въ г. Васильсурскѣ...

—Хотите посмотрѣть старый Василь? — предложилъ мнѣ одинъ изъ васильскихъ мѣщанъ.

Конечно, я съ радостью согласился.

Мѣщанинъ повелъ меня на одинъ изъ убогихъ двориковъ Васильсурска и тамъ въ углу огорода, гдѣ мирно копались свиньи, лежала надгробная желѣзная плита надъ погибшимъ отъ холеры въ 1700 году какомъ-то купеческомъ сынѣ...

Рѣдкая надпись, рѣдкій памятникъ, и все это гибнетъ, гибнетъ...

Гниютъ на колокольняхъ рѣзныя иконы, копотью, сыростью уничтожаются старинныя картины... И какъ жаль эти пожелтѣвшія странички старины глухихъ уѣздовъ и какъ хочется у археологическаго общества просить защиты ихъ, вѣдь это тѣ вѣхи, по которымъ намѣчается путь исторіи.

Н. Сутыринъ.

